

ЧИСТЫЙ КАЙФ

Я ОТЧАЯННО
ПЫТАЛАСЬ СБЕЖАТЬ
ИЗ ЭТОГО МИРА,
НО ВЫБРАЛА ЖИЗНЬ

Содержит
брань! 18+
нецензурно

ТИФФАНИ ДЖЕНКИНС

Тиффани Дженкинс
Чистый кайф. Я отчаянно
пыталась сбежать из этого
мира, но выбрала жизнь
Серия «Замок из стекла.
Книги о сильных людях
и удивительных судьбах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65519781

*Чистый кайф : я отчаянно пыталась сбежать из этого мира, но
выбрала жизнь / Тиффани Дженкинс ; [перевод с английского Э. И.*

Мельник].: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-155182-7

Аннотация

«Мне некого было винить, кроме себя самой. Я воровала, лгала, нарушала закон, гналась за кайфом, употребляла наркотики и гробила свою жизнь. Это я была виновата в том, что все мосты сожжены и мне не к кому обратиться. Я ненавидела себя и то, чем стала, — но не могла остановиться. Не знала, как».

Можно ли избавиться от наркотической зависимости? Тиффани Дженкинс утверждает, что да! Десять лет ее жизнь

шла под откос, и все, о чем она могла думать, – это то, где достать очередную дозу таблеток. Ради этого она обманывала своего парня-полицейского и заключала аморальные сделки с наркоторговцами. Но, оказавшись на дне, она приняла решение измениться. Эта удивительная книга поможет понять психологию зависимого человека и осознать, как сиюминутные решения могут кардинально изменить жизнь. Как в лучшую, так и в худшую сторону.

Содержит нецензурную брань!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Примечание автора	6
1	7
2	16
3	25
4	31
5	36
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тиффани Дженкинс

Чистый кайф: я отчаянно пыталась сбежать из этого мира, но выбрала жизнь

Моим родителям, Тине и Фредди. Если бы не вы, меня бы здесь сегодня не было. Буквально и фигурально. Скупаю по вам обоим и надеюсь, что вы можете мною гордиться.

Tiffany Jenkins

HIGH ACHIEVER: The Incredible True Story of One Addict's Double Life

This translation published by arrangement with Harmony Books

© Мельник Э.И., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Примечание автора

Просто чтоб вы знали: я изменила имена людей, так же как и многие личные детали, некоторые места действия. И к тому же опустила наиболее скучные подробности судебного процесса ради более динамичного повествования. Все описываемые события произошли до того, как я вышла замуж, поэтому моя девичья фамилия – Джонсон – используется на протяжении всей истории.

– Раз, два, три!

Свет вспышки был ослепительно-ярким. Мне приказали снять очки для фото, и некоторое время я ничего не видела. Я не мыла голову трое суток, и, поскольку меня арестовали, разбудив и вытащив прямо из постели, тот снимок, который вскоре появится во всех газетах и местных новостных телепрограммах, вероятно, будет таким же ужасным, как и преступления, с которых началась вся эта драма.

– Я сниму с вас наручники – ненадолго, чтобы вы смогли снять украшения и сложить их в этот пакет. Потом вы войдете вот в эту камеру, да, прямо в эту, – служащая полиции ткнула пальцем в нужном направлении, – и переоденетесь. Похоже, размер у вас большой, так что вот, берите эти, – проговорила она, протягивая мне брюки и блузу из полиэстера. Потом сунула руку в ближайшую корзину и выудила оттуда пару резиновых шлепанцев.

– Это ваша новая обувь. Носить ее нужно постоянно, в том числе когда будете принимать душ. Не потеряйте. – Она сунула шлепанцы в охапку вещей, которые уже были у меня в руках, и подтолкнула к камере. Я изо всех сил старалась не думать о чужих ногах, уже носивших эту резину, но, несмотря на все старания, мысль о том, сколько разнообразных видов бактерий вскоре поселится на коже между моими паль-

цами, неотвязно преследовала меня.

Я подпрыгнула от испуга, когда металлическая дверь с грохотом захлопнулась за спиной. В этом помещении было темно, и острый запах мочи буквально сбивал с ног. Я задержала дыхание и быстро сбросила свою одежду, прежде чем натянуть выданный форменный костюм. Сразу возникло ощущение, будто я нарядилась в картон. Женщина-полицейский наблюдала через окошко и открыла дверь, как только я оделась.

– Сложите свои вещи сюда. – Она протянула коричневый бумажный пакет, и я, бросая внутрь свои пожитки, провожала их взглядом. У меня упало сердце, когда она закрыла пакет и передала его другой помощнице. Моя одежда перестала мне принадлежать; теперь она в собственности округа. – Идемте, вас ждет встреча с медсестрой, она возьмет кровь на анализ и проведет тест на беременность.

Я взмолилась о том, чтобы оказаться беременной. Может быть, тогда они отпустят меня домой.

Домой. Я даже не знала, где теперь мой дом. И уж точно не могла вернуться туда, где прежде жила. Более того, к этому моменту мои вещи были, вероятнее всего, уже собраны и выставлены за дверь.

Сидя на холодном металлическом стуле напротив медсестры, я вдруг поняла, как погано себя чувствую – физически. Сиденье было ледяным, однако я почему-то обливалась потом. Кости начало ломить, а глаза непроизвольно слези-

лись. Мне было плохо.

– Итак, миссес... Джонсон. Я сейчас возьму пару анализов, но вначале задам вам ряд вопросов, – сказала медсестра, беря в руки планшет. – Имя?

– Тиффани Джонсон.

– Возраст?

– Двадцать семь лет.

– Вес?

– Кхм... Наверное, около восьмидесяти?

– Какие-нибудь лекарства в настоящее время принимаете?

Я замешкалась. Она глянула на меня и повторила вопрос:

– Какие-нибудь лекарства в настоящее время принимаете? Да или нет?

– Да.

– Какие лекарства?

Я поглубже вдохнула и начала:

Домой. Я даже не знала, где теперь мой дом.

– Дилаудид, оксикодон, оксиконтин, ксанакс, перкосет, лортаб, викодин и марихуану. Не уверена, что последнее можно считать лекарством, но...

– Хорошо. И скажите, назвали бы преступления, в которых вас обвиняют, «шокирующими по своей природе»?

– Да. Да, назвала бы.

Она посмотрела на меня поверх очков, опустила ручку и оперлась спиной на спинку кресла.

– Ладно, обычно я этого не делаю, но вы разожгли мой интерес. Не могли бы вы сказать мне, почему считаете свои преступления столь шокирующими по своей природе?

Рассказывая о случившемся, я видела, как выражение ее лица менялось – растерянность перешла в потрясение, которое сменило отвращение, потом снова растерянность, – и она наклонилась вперед, чтобы перепроверить что-то в своем планшете.

– Так, ладно, я сказала бы, что это определенно можно считать шокирующим по своей природе... – пробормотала она, силясь снова сосредоточиться.

Потом откашлялась и нервно глянула на меня, набрасывая заметки.

– Хорошо, поскольку вам явно предстоит острая реакция отмены опиатов, мы пару дней подержим вас в медчасти, прежде чем переводить в общий блок тюрьмы. Там мы сможем отслеживать ваше состояние, чтобы убедиться, что вы проходите безопасную детоксикацию. Я сейчас только быстро возьму анализы, а потом вас отведут вниз.

Я пристально смотрела, как она готовила шприц, и мой желудок при виде этого зрелища сложился вдвое. Ладони вспотели, и внезапно мне показалось, что я вот-вот лопну. По коже бегали мурашки, ноги пустились в пляс. Прошло всего двадцать часов после моего последнего «прихода», а я уже чувствовала себя дерьмово. А будет еще дерьмовее.

Женщина-полицейский не сказала ни слова, ведя меня в

камеру. Она отодвинула тяжелую металлическую створку и захлопнула ее за мной, отчего я снова подскочила на месте. Подумалось, что я вряд ли когда-нибудь смогу к этому привыкнуть. Я обернулась, чтобы спросить ее, когда мне представят положенный телефонный звонок, — как показывают в кино, — но она уже ушла. Тогда я отвернулась от двери и провела инвентаризацию своей крохотной камеры. Там был металлический унитаз, металлическая раковина, рулон туалетной бумаги и большая пластиковая лохань на полу; по всей видимости, я должна была положить тот пластиковый матрац, который свернутым держала в руках, внутрь лохани и спать в ней.

Вдруг что-то мазнуло меня по ноге, и от испуга я испустила дикий вопль, прозвучавший так, будто кого-то убивали. И только тогда заметила, что я не одна. На полу слева от меня стояла другая лохань, и она была занята. Женщина, лежавшая в ней, была с головы до ног закутана в шерстяное одеяло, укрыта им полностью. Видны были только очертания ее тела.

Прошло всего двадцать часов после моего последнего «прихода», а я уже чувствовала себя дермово. А будет еще дермовее.

Я молча положила свой матрац в лохань рядом с этой таинственной личностью и улеглась. Абстиненцию мне предстояло пережить в тюрьме, и осознание, что я на самом деле стала заключенной, начало потихоньку проникать в ра-

зум. Я пялилась на очертания тела своей сокамерницы, казалось, целую вечность, пытаюсь представить себе, с какой именно преступницей меня заперли в одном крохотном помещении. Процесс размышлений был прерван громким щелчком, и дверь нашей камеры отворилась. Заключенная в форме в красную полоску толчком пустила к нам по полу два подноса и торопливо захлопнула дверь. Я не успела даже рассмотреть, что там лежало на подносе, как шерстяное одеяло отлетело в сторону. Моя сокамерница резко села и уставилась на меня.

Ох ты ж дерьмо, оно проснулось. Не паниковать, подумала я, стесненно улыбнувшись.

– Ты ужин свой лопать буш? – спросила она, свирепым взглядом прожигая дыру в моей душе.

– Ой, э-э... привет. Я Тиффани. Не знаю... В смысле я не настолько проголо... Да я еще и не думала об этом, а что? – пробормотала я, пытаюсь заставить голос звучать хладнокровно и скрыть ужасную панику.

Я была напугана до ужаса и пересмотрела на своем веку достаточно фильмов, чтобы понимать, что тюремные драки – явление такое же частое, как грязь.

– Патамушта если ты не буш, я тада шьем, – договорила она, не разрывая визуального контакта. Мы могли бы быть близнецами, если бы не тот факт, что у нее не осталось ни одного зуба, зато были струпья по всему лицу. Мое сердце бешено заколотилось, когда я заметила татуировку у нее на

шее. Она была похожа на какой-то символ, возможно, знак принадлежности к банде. Вот дерьмо, меня заперли в одной камере с бандиткой. Это уже слишком!

– А, ну ладно, – нервно проговорила я. – Конечно, пожа-луйста, я так-то не голодная. На самом деле я не большая любительница поесть, так что...

Ни секунды не медля, она метнулась за подносами и уво-локла их в свое гнездо, словно дикий зверь. Желая избежать неловкости, я легла в свою пластиковую лохань и сомкну-ла веки. Было ясно, что уснуть не получится; слишком уж мне было плохо. Заняться было абсолютно нечем, поэтому я то закрывала глаза, то просто смотрела в потолок. Лежала и прислушивалась к омерзительным звукам, с которыми со-седка пожирала мой ужин. В какой-то момент они прекра-тились.

– Дай-ка позырить на сиськи.

Я вытаращила глаза и повернулась, чтобы посмотреть, с кем она разговаривает. Она пристально смотрела на меня.

– Прости, что ты сказала? – переспросила я. Наверное, я не расслышала – может быть, она сказала «сосиски»... А что, вдруг тут есть сосиски? Пожалуйста, пусть тут будут сосис-ки!

– Твои сиськи, дай мне на них позырить, – сказала она с каменным лицом, глядя прямо мне в глаза.

И вот будь вы на моем месте, что бы вы сказали? *Да пошла ты? Ни за что? Ты, чокнутая, оставь меня в покое?* Одна-

ко я была напугана до ужаса и пересмотрела на своем веку достаточно фильмов, чтобы понимать, что тюремные драки – явление такое же частое, как грязь, и не собиралась позволять надрать себе задницу в первый же день в тюрьме.

– Ты это серьезно или нет? – нервно уточнила я.

– Похоже, что я это серьезно? – спросила она с самым серьезным видом.

– Ладно, это что, такое правило? Это что, здесь все делают? Это типа посвящение или еще что? Мне как-то не хочется в банду. Я просто...

– Давай, леди, сиськи покажь. Скока раз еще говорить!

Руки у меня тряслись, когда я ухватила за нижний край блузы и задрала ее. Постояла с обнаженной грудью около трех секунд, потом одернула рубаху. Снова устроилась на матрасе, ожидая дальнейших распоряжений, но соседка не сказала ни слова. Только продолжала чистить апельсин. Я сидела молча, пытаюсь найти на ее лице хоть какие-то подсказки насчет того, что здесь происходит, но оно оставалось каменно-спокойным. Соседка смотрела на меня как на телевизор, без всякого выражения. Она покончила со своим апельсином, толкнула подносы по полу обратно к двери и еще с минуту продолжала глядеть на меня. Я улыбнулась, потому что не представляла, что еще можно сделать.

– Завтрак в шесть, скажешь мне, будешь жрать или нет.

Она натянула одеяло на голову и снова улеглась на матрац.

Я сидела в тишине, снова глядя на очертания ее тела под

одеялом. Что, теперь так и будет? Я здесь всего три часа, а уже успела остаться без еды и посветить сиськами. Абстиненция только начиналась, и я все еще не получила разрешения позвонить. Оказалась заперта в камере два с половиной на три метра с лесбиянкой-зверенышем, и никто так и не рассказал мне, в чем конкретно меня обвиняют, когда выпустят или что будет дальше. Слезы покатались по щекам, когда эта неопределенность начала подавлять меня. Чувства одиночества и растерянности снедали меня, и я понимала, что лучше бы отрастить шкуру потолще, да сделать это побыстрее. Впереди меня ждало немало странных, некомфортных, пугающих ситуаций, и это было только начало.

Когда теплое солнышко обволокло меня своими согревающими лучами, я еще глубже зарылась пальцами ног в мелкий сыпучий песочек. Закрыла глаза и глубоко вдохнула солоноватый океанский воздух, слыша, как волны плещутся о берег. Я слушала, как они шипели и отбегали, потом возвращались снова, чтобы поприветствовать песок любовным объятием. Это было мое счастливое место. Я никогда не пользовалась своим преимуществом – тем, что жила всего в пяти минутах от этого рая. Всегда была либо «слишком занята», либо «слишком устала». Надо будет завести привычку проводить здесь больше времени; ведь это единственное место, где я чувствую умиротворение.

Когда я снова наполнила легкие теплым океанским воздухом, этот момент безмятежности был внезапно прерван громким «бамс!». Мои глаза распахнулись, я попыталась определить источник звука, но ничего не увидела, кроме сверкающего песка, воды и ярко-голубых небес. Наверное, кто-то вдалеке захлопнул багажник машины, подумала я, снова закрывая глаза, и потянулась за горстью песка. Второе «бамс!» было оглушительным.

Меня подбросило, как пружиной, я распахнула глаза и поняла, что никакого пляжа нет и в помине. Осознание, где я нахожусь, сильно ударило по мне. Я была в холодной, темной тюремной камере. Я – заключенная. Волна стыда, смущения и вины поднялась из глубин моего существа и поглотила меня. Казалось, что вокруг тела обернулась анаконда, и с каждым проходящим мгновением она сжимала свои кольца все туже и туже.

С эмоциональной болью, которую я ощутила в тот момент, могла сравниться только физическая, которую я теперь вдруг почувствовала. Мне до зарезу нужно было встать и сходить в туалет, но я не могла заставить себя вылезти из-под теплого одеяла. Казалось, что каждая косточка в теле зажата в тиски, еще чуть-чуть – и переломится. Невыносимо! Обычно в этот момент я была готова на что угодно и всё разом, только бы добыть наркотики, но теперь об этом не могло быть и речи. Не оставалось иного выбора, кроме как почувствовать каждое мгновение боли, которую была способна причинить моя зависимость.

Я оказалась в ловушке – и в окружении охранников. В ловушке этой камеры, этого сломанного тела и этого искореженного разума. Мне было некуда деться. Здесь не было часов, поэтому невозможно было судить, как долго я уже

здесь. Мой мир стал серым, полностью выцветшим. Словно тюремное начальство хотело лишить нас любых напоминаний о внешнем мире.

Вчера я смотрела «Доктора Фила» и вместе со своим щенком ела мороженое на диване. Сегодня я заперта в темном помещении с незнакомкой, на глазах у которой мне придется – и очень скоро – опорожнять кишечник. Каждый проползавший мимо миг казался вечностью, и я решила попытаться поспать, чтобы как-то убить время. Мне удалось кое-как уплыть в дремоту, но надолго ее не хватило. Боль в теле была нестерпимой – постоянное напоминание о чудовищной реальности, которую я сама для себя создала. *Интересно, я уже попала в выпуски новостей?* – мелькнула мысль.

Я была в холодной, темной тюремной камере. Я – заключенная. Волна стыда, смущения и вины поднялась из глубин моего существа и поглотила меня.

Я выглянула из-под одеяла, чтобы оглядеть комнату, и в шоке обнаружила ступни своей соседки по камере в каком-нибудь дюйме от собственного лица. Это еще что за хрень? Мой взгляд побежал вверх по ее ногам и выше, вплоть до лица. Она смотрела на меня сверху вниз и улыбалась. Кажется пыталась убить меня во сне!

– Йоу, звиняй, чувиха, твоя койка прямо под окном. Я не хотела будить тебя, но мой парень только что вернулся с работы, – сказала она.

Я наморщила лоб, силясь осмыслить то, что она только

что сказала.

– Э-э, прости, это ты о чем? – переспросила я, ощущая себя так, словно попала в сумеречную зону. Ее парень? Работа?

Я села и, пятясь, выползла из-под нее, потом отступила назад, чтобы получше разглядеть, что происходит. Она стояла у окна и, насколько я поняла, разговаривала с кем-то на языке жестов. Ее руки мелькали со скоростью света. Она делала паузу – посмеивалась, бормотала что-то, к примеру: «парень, да ты спятил», – а потом вновь принималась семафорить руками.

– Я тоже тебя люблю! – сказала она непонятно кому, припадая поцелуем к окну.

Потом развернулась и увидела меня, завернувшуюся в одеяло наподобие буррито, уставившуюся на нее, как на сумасшедшую.

– У меня мужик вон там, – весело сообщила она, хлопнув в ладоши.

– Вон там – это где? – не поняла я.

Она ткнула пальцем в окно:

– Хватит! – оборвал меня охранник. – Из окон не выглядывать. Вы здесь новенькая, поэтому я выношу вам предупреждение, но только один раз.

– Вон прям там! Че, не видишь, во-он то здание!

Я подалась к окну, чтобы понять, о чем она, черт возьми, говорит. Прищурилась, приподнялась на цыпочки и, нако-

нец, увидела «во-он то» здание. И в эту секунду дверь в камеру распахнулась.

– ЗАКЛЮЧЕННАЯ ДЖОНСОН!

Я повернулась и широко раскрытыми глазами уставилась на охранника, не понимая, почему он так кричит.

– Убирайтесь от окна НЕМЕДЛЕННО! Какого черта вы делаете? – рявкнул он, входя в камеру. Я в поисках поддержки бросила взгляд на сокамерницу, но у нее явно возникла внезапная потребность заправить свою постель, и теперь она стояла к нам спиной.

– Ой, я... э-э... Я просто хотела посмотреть... наверное... потому что там так красиво... прошу прощения, а что, это плохо? Мне не следовало смотреть в окно? Я думала, что для того окна и существуют...

– Хватит! – оборвал меня охранник. – Из окон не выглядывать. Вы здесь новенькая, поэтому я выношу вам предупреждение, но только один раз. К окнам не подходить! – сердито бросил он, разворачиваясь к выходу.

Когда дверь за ним захлопнулась, я повернулась к предательнице.

– Э-э... во-первых, спасибо за то, что подставила меня! А во-вторых, на кой хер здесь нужны окна, если в них нельзя смотреть?

Она повернулась и села на постель, испустив тяжкий вздох.

– Слышь, звиняй! У меня одиннадцать-двадцать-девять,

я больше не могу рисковать. Нас с моим мужиком закрыли вместе, и единственное время, когда я могу его увидеть, – когда он возвращается с работы. Он в трудовом блоке. Поэтому мы разговариваем на языке жестов. Но это не разрешается, так что приходится быть осторожными.

– Что значит одиннадцать-двадцать-девять? – спросила я.

– Одиннадцать-двадцать-девять – это одиннадцать месяцев и двадцать девять дней. Если тебя приговаривают к году или больше, ты отправляешься в федеральную тюрьму. Иногда дают на день меньше года, тогда можно мотать срок в окружной тюрьме, – пояснила она.

Что за фигня! Целый год? Я как раз начала гадать, что такого сделала эта женщина, когда дверь снова распахнулась.

– Кладите свой матрац на пол, пока мы не найдем вам переносную койку, – сказал охранник, запуская в нашу камеру, где и так было шагу негде ступить, еще одну заключенную.

– Можешь не беспокоиться искать мне это клятое корыто, ты, свинья! Я выйду отсюда через десять гребаных минут! – выкрикнула женщина через плечо в сторону закрывающейся двери. Она явно была пьяна. Передвигалась она на костылях, и я подумала, что у нее, возможно, перелом, но потом перевела взгляд на ее ноги, и мне показалось, что чего-то там не хватает. Одна штанина тюремных штанов болталась на сквозняке там, где положено быть ноге. Она перехватила мой взгляд.

– Хера ли ты пялишься, четырехглазая? – Она прислони-

лась к стене, пытаясь удержать равновесие. – У меня гребаный диабет, усекла? Эй! Прошу прощения, девочка. Не ты, четырехглазая, другая. – И она указала пальцем на мою сокамерницу.

– Рошель я, че те надо? – отозвалась та.

– Можно тайну тебе рассказать? – спросила Айрин. (Мы будем называть ее Айрин, поскольку настоящего имени я не знаю.)

– Чего? – буркнула Рошель.

– Ну, я буду просить тебя, потому что эта ботанка очкастая наверняка настучит, но ты, похоже, умеешь хранить секреты. Поди сюда. – Она поманила к себе Рошель. Та встала и подошла к Айрин, которая жестом попросила ее придвинуться поближе и что-то зашептала на ухо.

– Ты чё, серьезно? – удивленно воскликнула Рошель.

– Серьезнее только инфаркт. Мне просто нужна помощь.

– Если наебешь, я те и другую ногу отрежу – поняла меня?

– Четко и ясно, – проговорила Айрин, по ее лицу все шире расплывалась улыбка. Они обе оглянулись на меня, и мой пульс участился. *Я умру. Вот так вот. Они только что спланировали мое убийство.*

– Эй, Джонсон, нам нужно, чтобы ты постояла на стреме. Если увидишь, что кто-то идет, кашляни, ладно? – сказала Рошель.

– На стреме? Для чего? Я не хочу никаких неприятностей, – ответила я и сама себе показалась мелкой сучкой.

– Я в курсах, подружка, потому-то мы тебя и не впутываем... Чего не увидишь – того и не узнаешь. Просто стой лицом к двери и не поворачивайся, пока мы не скажем. Как увидишь, что кто-то идет, дай знать – заметано?

– Ну... наверное, – промямлила я, вставая и поворачиваясь лицом к двери, точно наказанная пятилетняя девочка.

Рошель за моей спиной спросила:

– Готова?

Айрин отозвалась:

– Давай.

Раздался стон, и любопытство – что, черт побери, происходит за моей спиной? – стало нестерпимым. Как тут было не посмотреть!

Я стала медленно поворачивать голову, пока мой взгляд не упал на двух женщин. Увиденное будет преследовать меня до конца моих дней.

Я в шоке отвернулась и уставилась на коридор за окошком, пытаюсь осмыслить то, что только что видела. Жизнь превратилась в полный абсурд. Должно быть, это какой-то розыгрыш. Проверка. Я участвую в шоу со скрытой камерой; это было единственное объяснение, имевшее хоть какой-то смысл. Рошель засунула весь кулак в зад этой одноногой женщине!

Я в своей жизни много всякого повидала, но по какой-то причине это зрелище – два совершенно незнакомых друг с другом человека, которые встретились меньше пяти минут

назад, и теперь одна шарилась во внутренностях у другой – возглавило мой список «вещей, которые я хотела бы стереть из памяти на веки вечные».

– Есть! – возбужденно шепнула Рошель, и Айрин засмеялась.

– Проклятье, да-а! Молодец, девочка. Теперь поди сполосни поскорее.

– Простите, можно мне уже повернуться? – спросила я. *Я просила разрешения повернуться; во что, черт возьми, превратилась моя жизнь?!*

– Да, но если ты кому что вкнешь, я из тебя тормоза вышибу. Дошло? – пригрозила Рошель, и мне снова стало страшно.

– Дошло, – ответила я, борясь с тошнотой.

Я села на койку и попыталась понять, что происходит. Обе мои соседки сидели друг напротив друга на постели, торопливо ровняя две дорожки вещества, только что добытого из зада этой женщины. Потом по очереди занюхали это, чем бы оно ни было, и меня вдруг одолела зависть.

– Что это у вас там? – спросила я.

Рошель оглянулась на меня, с силой втягивая остатки вещества из ноздри глубоко в носовую полость.

– Это мет, – ответила она. – Хошь понюшку?

Я пробовала мет только раз. Одна понюшка – и я его возненавидела. Однако если ты наркоманка и кто-то предлагает тебе наркотики – любого типа, ты не отказываешься. Не успела я открыть рот, чтобы выдохнуть «еще бы!», как эта заноза-в-заднице (и если бы только заноза!) Айрин закатила истерику.

Она рыкнула:

– Слышь, наркота-то не твоя, чтобы ею разбрасываться! Я только тебе дала, потому что ты залезла туда и достала. У меня слишком мало, чтобы раздавать всем подряд, – сорян, четырехглазка!

Сказать, что я была разочарована, – значит сильно преуменьшить. Нет ничего хуже, чем когда тебя помянут «приходом», а потом обломают – особенно если у тебя третьи сутки абстыги. Меня снедала ярость. Я уже подумывала прикончить их обеих и забрать наркотик себе, но под рукой не оказалось никакого оружия, поэтому пришлось придумать другой план. У меня возникло несколько идей, все одинаково абсурдные. К примеру, когда они лягут подремать, спуститься по веревке с потолка и вытащить дурь из кармана. Однако я – не Том Круз, а это не «Миссия невыполнима», так что этот план пришлось отвергнуть. Внезапно раздавшийся из интеркома женский голос прервал мои ковар-

ные замыслы:

– Джонсон – скатывай манатки, переходишь в «общак».

Я бросила озадаченный взгляд на соседок:

– Э-э, это сейчас по-английски было или?.. Че за фигню она сказала?

Рошель посмеялась над моим невежеством и пояснила, что эта женщина велела мне собрать свои вещи, потому что меня переводят к основному населению тюрьмы, в общий блок – синоним понятия «одно большое помещение с гребаной толпой преступниц».

Я старалась вести себя хладнокровно, типа – подумаешь, ну и что, что я вот-вот войду в берлогу хищных зверей на разных стадиях ломки, многие из которых имеют недиагностированные психические заболевания и проблемы с контролем ярости! Внутри же меня всю трясло.

Я скатала матрац и одеяло и встала у входа, дожидаясь, пока меня выпустят. Когда охранник открыл дверь, обернулась и улыбнулась своим сокамерницам.

– Приятно было познакомиться, девочки! – жизнерадостно сказала я, но они были слишком заняты, стараясь не встретиться глазами с охранником, чтобы попрощаться со мной хотя бы взглядом. *Честное слово, здесь следовало бы вести курсы этикета. Пожалуй, напишу-ка я кому-нибудь об этом письмо.*

Охранник повел меня по длинному коридору, предварительно сковав руки и щиколотки. Металл врезался в ахилло-

во сухожилие, и боль была невероятная.

– Э-э, прошу прощения, офицер... – прошептала я.

– В коридорах молчать, – проворчал он.

– Хорошо, просто...

– НИКАКИХ РАЗГОВОРОВ В КОРИДОРАХ!

– Ладно, – резко ответила я. Словно снова оказалась в начальной школе. Ходить молча, ровным строем и повиноваться приказам. Я чувствовала себя несмышленным ребенком, мать вашу! На прошлой неделе я была управляющей ресторана, а сегодня на меня орут за то, что я не вовремя заговорила.

– Итак, я сейчас сниму наручники и ножные браслеты и передам вас мисс Дэвис, – сказал охранник.

О-о, мисс Дэвис, как приятно звучит! Стоило ему снять с меня цепи, как щиколоткам сразу стало легче. Он открыл дверь в мрачную комнату, где меня прямым взглядом в лицо встретила женщина-охранница, не спускавшая руки с пистолета.

– Снимите одежду, пожалуйста, – потребовала мисс Дэвис.

– Но-но, мы только что познакомились, вроде как рановато, не надо...

Она оборвала меня прежде, чем я успела договорить неуклюжую шутку:

– Боже мой, ты миллионный человек, который мне это говорит! Снимай свою чертову одежду, руки на стену. Сейчас

же!

Очевидно, мисс Дэвис шуток не понимала. Запомним.

Вначале она заставила меня принять душ с помощью душевой лейки на стене. Мне было очень некомфортно мыться на глазах у совершенно незнакомого человека, но после душа, когда она велела мне «нагнуться и расставить ноги», унижение достигло совершенно нового уровня.

– Надевай, – жестко велела она, кидая мне новый комплект формы. Потом вручила рулон туалетной бумаги и зубную щетку. – Мыло у нас кончилось, скажешь ночной охране, они принесут.

– Не проблема, – пробормотала я, понимая, что пройдет еще четыре дня, прежде чем я получу мыло. Оказалось, мой комфорт – не главный приоритет сотрудников тюрьмы. К осознанию этого – и многих других любопытных фактов, касающихся охранников, – я пришла со временем.

Дэвис подвела меня к широченной двери и бросила «готовова» в рацию тому человеку, который отвечал за ее дистанционное открывание и закрывание.

Мне захотелось выхватить у нее рацию и завопить: «Погодите! Я! Я не готова!» – но я догадалась, что, вероятно, получу за это удар электрошокером.

Когда дверной замок щелкнул, она распахнула дверь и сказала:

– Ты в пятой, – а потом захлопнула ее за мной. И тут я услышала громкий рев тех самых диких женщин.

Впрочем, рев мгновенно прекратился. Воцарилась абсолютная тишина, и сотни женщин внезапно стали пожирать меня глазами. Я не знала, что делать, и неловко улыбнулась им. Одни рассмеялись, другие начали выкрикивать нецензурные комментарии, а одна завопила:

– Подсадная шлюшка!

Я не поняла, что это значит, но позднее выяснила, что если ты выглядишь не так, как тюремные завсегдатаи, другие заключенные считают тебя копом под прикрытием. Так что это хорошо.

Я нашла камеру номер пять и нерешительно ступила внутрь. Из шести металлических коек четыре были заняты матрацами, поэтому я двинулась к одной из пустых.

– Привет, я Тиффани. Вы не против, если я положу свой матрац сюда? – спросила я беззубую женщину, котораяковыряла ногти на ногах, сидя на верхней койке.

– Да мне нафратъ ф выфокой колокольни, – отозвалась она, не отрывая взгляда от своих ног. *Вежливая* какая, подумала я, шмякнула матрац на койку и принялась заправлять постель.

Большую часть того дня я пролежала. Все тело так болело из-за абстиненции, что мне было трудно даже дышать. Сквозь решетку своей камеры я смотрела, как женщины сновали туда-сюда, смеясь и явно неплохо проводя время. Как они, черт возьми, могут смеяться? Они что, не понимают, что находятся в тюрьме? Многие из них казались вполне до-

вольными жизнью. Я же думала, что счастья мне больше не видать никогда.

Депрессия и отчаяние придавили меня так сильно, что казалось, будто меня разбил паралич. Наконец до меня дошло, что я проведу в тюрьме очень много времени, и даже если выберусь отсюда, то до конца дней все окружающие будут меня презирать, и мне уже наверняка никогда не добиться уважения. Мрачные мысли о том, каким будет мое будущее, вламывались в сознание с грохотом. Я буду бездомной. Никто не захочет любить такую тварь, как я, особенно после того как узнает, как я поступила со своим последним бойфрендом.

Представлять себе дальнейшую жизнь с последствиями тех дел, что я натворила, было невозможно. У меня не было сил, чтобы жить дальше. И вдруг мне захотелось просто положить всему конец. Предвкушение неожиданного, ожидание и тревога – меня просто не хватило бы на это все. Казалось, я уже провела в тюрьме целую вечность, а пока еще даже не узнала, какие мне предъявлены обвинения. Ну не создана я быть взрослой; не написано мне на роду прожить полноценную жизнь. *Я жалкая неудачница, думала я, и такой останусь навсегда. У меня нет выбора, нет другого пути. Сегодня, после того как все улягутся спать... я убью себя.*

Пока все остальные ужинали в общей комнате, я смотрела в окно камеры. Аппетита не было; к тому же я не видела никакого смысла набивать желудок, поскольку знала, что всего пара часов отделяет меня от конца пребывания здесь, на земле.

Я посвятила некоторое время размышлениям о том, как реализовать свой план – это представляло определенные трудности, учитывая, что вариантов у меня было не так уж много. Тем, кто обдумывал самоубийство, задачу здесь не особенно облегчали, – полагаю, потому что число желающих воспользоваться таким преимуществом было бы астрономическим. Одной только ломки достаточно, чтобы побудить любого цивилизованного человека задуматься о прыжке с крыши. Но если добавить к этому те разрушения, которые я сеяла на своем пути, смерть оставалась единственным выходом.

Капли дождя появились на окне, когда мои мысли начали уходить в сторону. Я думала о своих родственниках, о том, как у них будет разрываться сердце, когда завтра они узнают новости. Я тут же выгнала эти мысли из головы, потому что мое желание умереть было намного сильнее любых забот о чьих-то там эмоциях. И я боялась, что, если буду слишком много думать о семье, это положение изменится. Я сожалела

о том, что мне так и не придется узнать, каково это – выйти замуж и иметь детей. Из меня в любом случае получилась бы отвратная жена и мать, так что, право, я собиралась оказать миру большую услугу.

Одной только ломки достаточно, чтобы побудить любого цивилизованного человека задуматься о прыжке с крыши.

Я надеялась каким-то образом увидеться с мамой. Если по какой-то безумной причине существование рая в конце-то концов окажется правдой (что, по мне, было совершенно абсурдно), то она наверняка находится именно там. Но если даже это действительно так, то, вероятно, наши пути больше никогда не пересекутся. Говорят, что самоубийство – грех, и велика вероятность отправиться за него в ад. Но если и ад реален, то я уже в любом случае купила себе туда билет, вне зависимости от стратегии своего исхода. Так что пошло оно все нах!

Я так и пролежала все оставшееся время, пока не выключили свет. Сокамерницы меня не беспокоили, потому что видели, что у меня жестокая ломка. И я гневно зыркала на всех, кто пытался подойти ко мне или заглянуть в глаза.

Я ждала – терпеливо, тихо, тревожно, – пока все они заснут. Каждая из них издавала разные звуки, вдыхая ночной воздух. Одни женщины храпели, другие дышали тихо, но я выжидала до тех пор, пока не убедилась, что все как одна крепко спят. Когда последняя из моих соседок перестала

вертеться с боку на бок и наконец затихла, найдя удобное положение, я поняла, что время пришло.

Я села на койке и осторожно спустила ступни на холодный бетонный пол. Встав на ноги, огляделась, чтобы удостовериться, что никто не шевелится. Наштупала уголок простыни и начала осторожно стаскивать ее с матраса. Когда вся она оказалась в руке, мои пальцы начали двигаться автоматически, словно были запрограммированы на вязание узлов. Мыслей не было, одно лишь бездумное скручивание и стягивание. Я не думала ни о чем, кроме того, как отчаянно хочу со всем этим покончить. Мне не хотелось задерживаться на этой земле ни единой лишней секунды, надо было уходить, и уходить сейчас же.

Я нервно бросила на камеру последний взгляд, убеждаясь, что все остальные по-прежнему крепко спят, и крепко привязала один конец простыни к углу койки над головой. Я была мысленно готова к тому, что соседка надо мной проснется, поскольку узел был завязан примерно в двух дюймах от ее ноги, но та не шелохнулась. Я еще раз поглубже вдохнула, оборачивая другой конец простыни вокруг шеи, и затянула его изо всех сил. Когда я делала этот последний вдох, не было ни слез, ни колебаний – и потом я усилием воли столкнула себя с койки.

Койка оказалась недостаточно высока, чтобы вытянуться в полный рост, поэтому я расслабила мышцы ног, позволяя весу собственного тела и земному притяжению выполнить

всю работу. Я полулежала, подвешенная за шею, вытянув ноги перед собой. Сила давления на горло была ошеломляющей. Казалось, мой позвоночник отделяется от черепа. Я чувствовала, как лицо наливается жаром; оно словно раздулось от крови. Мое физическое тело до боли жаждало вскочить и дышать, но разум оказался сильнее. Теперь обратного пути уже не было.

Звуки окружающего мира начали слабеть, а периферийное зрение меркнуть; я словно заглядывала вниз, в темноту туннеля. Стены мрака смыкались вокруг, и мир постепенно затихал. От давления полопались сосуды в глазах, и мне казалось, что глазные яблоки вот-вот полностью вылезут из глазниц. Все почернело, и я поняла, что это конец. Вот и все. Впервые за очень долгое время я почувствовала себя... свободной.

Яркий свет, пролившийся откуда-то сверху, заставил меня вздрогнуть, и я поняла, что прохожу через какое-то другое измерение. Я улыбнулась, радуясь освобождению от своего исковерканного земного тела, тому, что отныне являюсь частью вселенной. Свет становился все ярче – почти ослепляя, – и я внезапно хватанула воздуху, ворвавшегося в легкие с громким сипением. Что за черт?! Я давилась, кашляла, не могла вдохнуть. Потом начала замечать мелькающие вспышки света и слышать прерывистые вопли – ко мне потихоньку возвращался слух. Я пару раз моргнула, и размытая картинка надо мной начала обретать форму. Лицо... Но

то был не лик Божий – или дьявольский, а офицер Каш.

– Джонсон! Вы меня слышите? Тиффани! Очнитесь.

Жаркий гнев побежал по каждой жилке моего тела, когда я осознала, что происходит. Я принялась бешено махать руками и пинаться, отчаянно пытаясь отогнать их всех от себя.

– Зачем? – выкрикивала я. – Какого хера вы привели меня в чувство? Зачем?! Почему вы не дали мне уйти?!

От гнева и разочарования меня начали сотрясать непроизвольные рыдания. У меня же почти получилось! Я была так близка к возвращению домой, к матери, бабушке и бабушке, – а теперь снова вернулась прямиком в ад. Обратно в реальность, от которой так отчаянно пыталась сбежать.

Я бросила взгляд на своих соседок по камере, которые явно были в шоке и ужасе. Мне хотелось крикнуть им, что нечего разыгрывать здесь драму. Я хотела узнать, кто из них, черт возьми, обломал мои планы, уничтожил всякую надежду освободиться от этой говенной планеты. Но не успела сказать и слова, как охранница завела мне руки за спину и сковала наручниками. И сказала:

– Вставайте, мы отведем вас в медицинский блок.

Я поднялась с пола, и она потащила меня в сторону общего холла. Мне хотелось бежать; хотелось врезаться головой с разбегу в эту гребаную стену и закончить начатое. Но вместо этого я двигалась покорно, молча, потому что стоило выйти из камеры, как до меня дошло, что все светильники в блоке горят, и все до единой заключенные Западной женской тюрьмы стоят у дверей своих камер, глаза, как меня волокут прочь из блока с простыней, болтающейся на шее.

– Мне нужно еще снять с вас очки, мэм, – сказала охранница, протягивая руку к моему лицу.

– Но я ничего не вижу без очков, они мне нужны, – протестовала я.

– Наша работа – позаботиться о том, чтобы вы были в безопасности под нашей охраной. Очки слишком легко превратить в оружие, и мы не станем полагаться на удачу.

Я поморщилась, когда она сдернула очки с моего лица, и мир вокруг мигом превратился в размытое пятно. У меня ужасно плохое зрение, и без очков я не смогла бы сказать, сколько пальцев мне показывают, даже если бы они были в дюйме от моего лица.

Я услышала, как за охранницей захлопнулась дверь камеры, и только поэтому догадалась, что она ушла, потому что совершенно точно не видела ее ухода. Меня поместили в камеру полного наблюдения. Эти камеры специально обустроены для заключенных с суицидальными наклонностями. Их делают особо защищенными. Люди, желающие свести счеты с жизнью, бывают весьма изобретательны, поэтому охрана принимает специальные меры предосторожности, чтобы любому заключенному было практически невозможно достичь своей цели.

В этой камере не было никаких выступающих деталей. Ни душевых головок, ни ограждения койки, ни окон. Мою тюремную форму заменили хламидой, которую можно описать как широченный, бесформенный мешок для картошки на липучках. Ни кусочка свободно болтавшейся ткани, так что даже если бы я захотела превратить еще какую-нибудь тряпку в смертельное оружие, мои усилия оказались бы тщетны.

Я была боса и слепа. Как будто этого мало, вся камера представляла собой сплошь стеклянные стены, так что любой проходящий мимо мог посмотреть на меня и удостовериться, что я все еще дышу. Охрана могла наблюдать за всем,

что я делала в камере, включая пользование туалетом, с любой точки на 360 градусов вокруг.

Я чувствовала себя животным в зоопарке. Я видела нечеткие силуэты проходивших мимо охранников, которые периодически останавливались у стекла и отпускали глумливые комментарии. Большинство сотрудников коррекционной службы знали, почему я оказалась в тюрьме; у них был доступ к моему делу, где подробно излагалось, что и как я сделала с их собратом по оружию и синей полицейской форме. Нет нужды говорить, что каждый из них желал удостовериться, что я полностью осознаю, каким куском дерьма являюсь. Я слышала их реплики: «Знаешь, я не виню ее за попытку самоубийства, сама бы ее придушила. Ей грозит большой срок. Она слепа, как летучая мышь, так ей и надо».

Я была пристыжена, опозорена, и мне было негде спрятаться.

Хватило примерно семи часов в этом аквариуме, чтобы я начала терять свой гребаный рассудок. Я и до того чувствовала себя психически нестабильной, а нынешние условия явно не помогали. Чем дольше я сидела там – ослепленная и почти раздетая, – тем более нереальной казалась мне реальность. Я вошла в тюрьму как Тиффани, но в этот момент, в этой камере я стала чем-то иным. Животным в клетке, маньячкой-самоубийцей, лживой воровкой, заключенной. Старая «я» исчезла, и можно было с уверенностью сказать, что больше она не вернется.

Меня неоднократно рвало, поскольку наркотики выводились из организма. Большую часть времени я провела, скорчившись над унитазом, тяжело дыша и отчаянно пытаюсь изгнать отраву из своего тела. Я опустила голову на холодный металл туалетного сиденья, и внезапно у меня появилась идея. Они тут приняли вроде бы все меры для предотвращения самоубийств, но я-то была умнее и собиралась завершить начатое.

Я натянула свой картофельный мешок на голову, чтобы скрыть от взглядов верхнюю половину тела. Спрятавшись от всех, скрестила руки, положив оба больших пальца на выступающую твердую область перед гортанью, и начала давить и жать изо всех сил. Я хотела сломать хрящи в горле – в надежде, что это заставит меня задохнуться. Я хотела смерти так, как никогда ничего прежде не желала. Она была мне необходима. Я знала, что если добьюсь успеха, то буду свободна. Мое земное тело функционировало плохо, и я не хотела продолжать жить внутри него.

Хрящи в горле оказались намного пластичнее, чем я ожидала. Вместо того чтобы сломаться в мощной хватке моих пальцев, они сдвинулись назад, вызвав у меня громкий сдавленный кашель. Я впилась пальцами в плоть и стала выкручивать хрящи и мышцы, но у меня ни хрена не получалось.

Я услышала, как в отдалении кто-то спокойно проговорил:

– Ну вот, опять, открывай номер четыре.

Через считанные секунды щелкнула, открываясь, дверь. Я почувствовала на плечах тяжелые ладони охранника, оттащивавшего меня от унитаза. Я опрокинулась на спину, и он придавил меня к полу, упершись локтем мне в грудь.

– Прекратить немедленно! – прорычал он.

Я хотела смерти так, как никогда ничего прежде не желала. Она была мне необходима. Я знала, что если добьюсь успеха, то буду свободна.

– Да отпустите вы меня уже, мать вашу! – пронзительно вскрикнула я. – Какого дьявола вы просто не оставите меня в покое?! Это моя гребаная жизнь! – выкрикивая эти слова, я крутилась и вертелась на полу, а охранник пытался удержать меня. Я ничего не видела, из-за чего мне было трудно давать отпор. – Это не ваше дело, просто прекратите! Дайте мне закончить, пожалуйста! – выла я. – Пожалуйста, просто шарахните меня по голове дубинкой. Пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-алуйста, просто убейте меня! Я вас умоляю! Долбаните меня тазером, пожалуйста! Пожалуйста, – молила я. – Я хочу умереть.

– Я не стану тебя убивать, Джонсон, – сказал он. – Это целая куча гребаной бумажной работы, а у меня сегодня назначен романтический ужин с женой. Я сейчас встану и выйду из камеры. У тебя есть еще один шанс. Если ты снова выкинешь дерьмо вроде этого, мы незамедлительно закуем тебя по рукам и ногам. Жить станет совсем неудобно, если мы это сделаем, так что давай завязывай.

Отсутствие сострадания в его голосе было поразительным. Худший день в моей жизни для него был просто очередным рабочим днем.

В этот момент я примирилась с реальностью своей текущей ситуации. Этим людям на меня наплевать. Они просто ждут конца своей смены, надеясь, что во время нее все будет тихо и спокойно. Им наплевать, что я когда-то была капитаном команды болельщиц или избранным клоуном для своих одноклассников. Им не важно, что я была сестрой и дочерью или что однажды выиграла роллер-дерби. Им было все равно, что в старших классах меня как-то раз избрали королевой бала в Валентинов день или что я три года руководила рестораном. Ничто из этого не имело значения, я больше не была прежним человеком. Я была заключенной номер 4012342 – и ничем большим.

После того как в изоляции миновала целая вечность, раздался тихий стук в дверь моей камеры.

– Можно войти? – услышала я мягкий голос с другой стороны двери.

– Да мне похрен, – буркнула я, скорчившись в углу камеры и поджав колени к груди. Я услышала, как щелкнула дверь, но не увидела стоявшего рядом с ней человека. Однако по силуэту догадалась, что это не охранница.

– Я хотела бы подойти ближе, но мне нужно знать, что вы не навредите мне... Могу я быть в этом уверена? – спокойно проговорила женщина.

– Навредить вам? С чего бы мне вам вредить? Я не стану этого делать. Я, черт побери, даже не знаю, кто вы, потому что ни черта не вижу, – сказала я.

– Ну, меня зовут доктор Лашанс, и я хотела бы поговорить с вами.

Я вдохнула поглубже и уставилась в пол:

– Не обижайтесь, но мне в данный момент совершенно не хочется ни с кем разговаривать.

– Что ж, конечно же, я вас не виню; вы сидите в стеклянном ящике, почти обнаженная, лишенная зрения... Вот что я вам скажу. Если мне удастся убедить охрану вернуть вам очки, могли бы вы пообещать мне, что не попытаетесь навредить себе с их помощью? – спросила моя собеседница.

Мое сердце замерло. Способность видеть, что происходит вокруг, определенно помогла бы мне понять свое окружение, и я была бы лучше готова справляться с текущей ситуацией.

– О боже мой, да! Пожалуйста! Я клянусь жизнью своей матери, что буду использовать очки только по их прямому назначению. Пожалуйста, вы можете это сделать? Вы сможете их добыть? – с жаром забросала я ее вопросами.

По голосу собеседницы я догадалась, что она улыбается.

– О, вы явно воспрянули духом, правда? Подождите меня всего минуточку.

Она вышла из камеры, и где-то глубоко внутри меня вспыхнула искорка надежды.

Я воспринимала возможность четко видеть как нечто са-

мо собой разумеющееся, и, когда у меня ее отобрали, до меня дошло, насколько она была важна. Я с нетерпением ждала возвращения этой таинственной спасительницы – казалось, ожидание длится долгие часы, – и расхаживала по камере взад-вперед. Потом в мою душу закрались сомнения. Я вдруг поняла, что она не вернется. Мне стало ясно, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. С тех пор как я попала сюда, мне еще не встретился ни один сотрудник тюрьмы, который разговаривал бы со мной как с человеком. Зачем бы милой незнакомке вмешиваться и ни за что ни про что вознаграждать меня очками? Не-е, я просто окончательно спятила, и теперь у меня галлюцинации.

Сломленная этим осознанием, я уселась обратно в угол и прижалась подбородком к коленям. Неожиданно щелкнула дверь. Я подняла голову.

– Привет, Тиффани, это я. Можно войти? – спросила доктор Лашанс.

– Да, конечно! – Я слышала, как ее туфли цокали по бетонному полу, когда женщина вошла в камеру, но потом она остановилась. Все замерло в молчании.

Она хихикнула:

– Ой, я забыла! Вы же, наверное, меня не видите. Я протягиваю вам очки, – с этими словами она сунула их мне в правую руку. Слезы благодарности и облегчения покатались по моим щекам, когда я снова водрузила их на переносицу. У меня отпала челюсть, когда образ моего ангела-хранителя

сфокусировался и стал четким. Я была с ней знакома! Как же это я не узнала ее голос? И мое лицо, верно, стало пунцовым от стыда, когда стало окончательно ясно, что это Кейти. Когда-то я была ее тренером в команде болельщиц.

Мне сразу же стало стыдно за то состояние, в котором она меня нашла. Когда мы с ней в последний раз виделись, я была яркой, полной кипучей энергии блондинистой тренершей команды болельщиц, которую она несколько лет считала примером для подражания. А что теперь? Она видела перед собой тошнотворную, бледную, потеющую наркоманку, скорчившуюся в углу тюремной камеры.

Она, должно быть, видела на моем лице всю смесь разнообразных эмоций, потому что мягко положила мне руку на колено и улыбнулась:

– Я знаю, о чем ты думаешь, и хочу, чтобы ты понимала, что человек, которым ты являешься сегодня, в эту минуту, – это не ты. Я знаю тебя настоящую. Ты – самая классная девчонка из всех, кого я знала и знаю по сей день. Я всегда равнялась на тебя, и это не изменилось.

Она попросила меня передвинуться к стене, и мы обе уселись на бетонный пол, прислонившись к стене спинами.

– Похоже, ты свернула не туда на жизненном пути, но я здесь не для того, чтобы судить тебя, Тиффани, а чтобы помочь. Я работаю здесь, в тюрьме, психотерапевтом и просто хочу с тобой поговорить. Ты станешь разговаривать со мной? – спросила она.

Следующие два часа мы с Кейти разговаривали – обо всем

подряд. Я рассказывала ей о том, что случилось в моей жизни с тех пор, как я стала зависимой от наркотиков, а она сидела тихо и молча слушала. Время от времени Кейти подавала голос, но только для того, чтобы задать вопрос, который заставлял меня еще глубже взглянуть в свои мысли. Она словно пыталась заставить меня посмотреть на вещи с иной точки зрения. Как ни странно, у меня было такое ощущение, что мы снова вернулись в школу. Впервые за все время с момента ареста я почувствовала себя человеком.

Поговорив с ней, я почувствовала себя свободной. Словно очень долго таскала на себе гигантский мешок с камнями, а Кейти мягко отобрала его у меня, подарив возможность сосредоточиться на предстоящем пути.

– Я благодарна тебе за предельную откровенность. Я знаю, что ты не хочешь умирать, и думаю, ты сама это понимаешь. – Кейти наклоняла голову, пока не поймала мой взгляд. – Мне хотелось бы увидаться с тобой через неделю, как думаешь, это возможно?

Я понимала ее стратегию: она старалась поймать меня на крючок ответственности. Если бы я назначила встречу с ней через неделю, пришлось бы остаться в живых для того, чтобы эта встреча состоялась. Она пыталась получить гарантии, что я за это время не покончу с собой.

– С удовольствием, – сказала я с абсолютной искренностью.

– Я скажу охране, что ты готова вернуться в общий блок,

договорились? – проговорила она, поднимаясь с пола и отряхивая подол юбки.

– Не знаю, – засомневалась я. – Все видели, что случилось, и мне будет очень неловко туда возвращаться.

– Можно дать тебе совет – неофициально? Посылай всех на хрен!

Она шагнула ко мне с распростертыми объятиями и крепко обняла. Как это приятно, когда тебя обнимают! До того как Кейти вошла в мою камеру, я была готова разбиться на тысячи осколков, но ее присутствие подарило мне проблеск надежды. Она напомнила мне, что я по-прежнему остаюсь человеком, а с этим ощущением у меня в последнее время было туго.

Я стояла перед входом в общий блок, дожидаясь, пока меня впустят внутрь, и сердце колотилось со скоростью света. Потные ладони пытались удержать выскальзывающий матрац, меня неудержимо колотила дрожь. Охранник смерил меня взглядом с ног до головы, и уголок его рта дернулся в усмешке. Он словно получал удовольствие при виде того, как меня корчило и плющило.

Дверь громко щелкнула и распахнулась, и уже привычный шум воплей и полного хаоса наполнил коридор.

– Заходите, – сказал охранник, кивая на дверь. Я вошла внутрь блока, и там разом стало настолько тихо, что упала булавка – ее было бы слышно. Я нашла глазами камеру, в которую меня направили, и пошла к ней по прямой, низко

опустив голову.

Когда я переступила порог, миниатюрная, приятного вида блондинка подняла на меня взгляд от записной книжки, которую держала в руках. Я открыла было рот, чтобы представиться, но она перебила меня, вскочив на ноги и вскинув руки.

– О черт, не-ет! – завопила она и вылетела из камеры. Я сделала пару шагов назад, чтобы выглянуть за дверь и посмотреть, куда это она понеслась, и увидела, что она шагает напрямиком к «той самой кнопке» у входа в блок.

«Та самая кнопка» использовалась для связи с охраной в чрезвычайных ситуациях. Ею разрешалось пользоваться только в самых крайних случаях. Я растерянно смотрела, как она дважды нажимает кнопку и скрещивает руки на груди с вызывающим выражением на хорошеньком личике.

– Что стряслось? – спросил охранник через интерком.

– Э-э, здрасте, э-э... В общем, кто-то подселил эту суицидницу-стукачку ко мне в камеру, и мне очень нужно, чтобы вы перевели ее куда-нибудь в другое место. Я ей точно морду набью, помяните мое слово, а мне не хочется в карцер, – протараторила она – и все время, пока говорила, сверлила во мне дырку взглядом.

Да что за *хрень* она несет?!

– Дэниелс, ты прекрасно знаешь, что мы не принимаем никаких просьб. Эта линия связи только для ЧП. Еще раз нажмешь кнопку – и в любом случае окажешься в карцере, –

отрубил разозленный охранник.

Гребаная моя жизнь, легко-то явно не будет! Я смотрела, как Дэниелс топает, печатая шаг, к группе девушек и начинает что-то гневно говорить. Она то вскидывала руки к потолку, то время от времени молотила кулаком воздух, и все они по очереди оборачивались, чтобы прожечь меня взглядом. *С чего вдруг эта телка на меня взъелась?* Я пока не хотела стелить постель, потому что неясно было, чего ждать от этой мелкой психопатки. Я опасалась, что она сорвет с койки мой матрас и примется выбивать пыль из него и из меня, поэтому просто вынесла свои вещи в общую комнату и пристроилась за пустой стол.

Вам случалось видеть школьника-лузера, с которым никто не хочет водиться и который стеснительно садится за стол в столовой в полном вакууме? Это была я, один в один, разве что окружали меня матерые преступницы, а не ученики старших классов.

Брэнди показала мне, как здесь заказать шампунь, и поделилась своим ужином. Я даже пару раз от души рассмеялась – кажется, в последний раз это случилось со мной сто лет назад.

Я почувствовала на пояснице чью-то руку и дернулась, потому что подумала, что меня сейчас отделают.

– Привет, я Брэнди, – сказала девушка, сунув мне руку для рукопожатия. Я опасливо пожала ее ладонь, отметив попутно, как она красива. – Я слыхала, ты пыталась убить себя?

Отстой полный, я сама пробовала. А еще я слышала, как та шлюшка жаловалась охраннику насчет тебя. Сочувствую. Я тут подумала, что тебе не помешает подруга. Ты как, в моей камере не хочешь поселиться? – И она улыбнулась.

У меня сердце чуть не лопнуло от благодарности.

– О боже мой, да, конечно! – отчаянно выпалила я.

– Пойдем-ка, наша вон там. – Она взяла меня за руку и повела к самой дальней камере в ряду. Моя койка оказалась рядом с ее, и я ощутила мгновенное облегчение, стоило мне оказаться там. Атмосфера здесь была отличная – и только потому, что Брэнди оказалась такой душевной девчонкой.

Остаток дня мы с ней разговаривали о жизни. Точнее, в основном говорила я, а она по большей части слушала. Иногда рассказывала мне истории о собственных безумных поступках, и казалось, что она делала это, только чтобы я приободрилась и перестала так париться из-за своих решений в прошлом. Брэнди показала мне, как здесь заказать шампунь, и поделилась своим ужином. Я даже пару раз от души рассмеялась – кажется, в последний раз это случилось со мной сто лет назад.

Когда пришла пора ложиться спать, Брэнди подошла ко мне и обняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.